

Научная статья

УДК 343.185

DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).123-132

EDN MAWBSH

Согласие обвиняемого с обвинением как условие применения особого порядка судебного разбирательства

Владимир Юрьевич Стельмах

Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия
vstelmah@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

АННОТАЦИЯ

Порядок уголовного судопроизводства в Российской Федерации, являясь единым, тем не менее предусматривает существование упрощенных форм рассмотрения дела, одной из которых выступает особый порядок при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. Несмотря на упрощение процедуры рассмотрения, особый порядок должен предусматривать все необходимые механизмы, гарантирующие принятие законного и обоснованного решения.

Условием применения особого порядка является согласие обвиняемого с обвинением, выступающее важной гарантией от самооговора. При этом сущность согласия с обвинением в законе не раскрыта, в связи с чем в науке данный вопрос остается дискуссионным. Неясно, подразумевает ли согласие с обвинением признание вины, либо это всего лишь согласие на рассмотрение дела в упрощенном порядке. От того, как будет решена эта проблема, зависит, обеспечит ли особый порядок достижение истины по делу, либо превратится в сделку с правосудием, изначально не предполагающую установление обстоятельств дела и, соответственно, принятие законного и справедливого решения.

По результатам исследования делается вывод, что особый порядок рассмотрения дела при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением предполагает установление фактических обстоятельств совершения преступления, не противоречит принципу презумпции невиновности и в силу этого не является сделкой с правосудием. Согласие обвиняемого с обвинением заключается в признании обвиняемым своей вины в содеянном. В противном случае нельзя констатировать снижение уровня общественной опасности лица, соответственно, отсутствуют основания для применения особого порядка, подразумевающего обязательное снижение размера наказания. Если обвиняемый на протяжении предварительного расследования отказывался от дачи показаний, но при ознакомлении с материалами дела заявил ходатайство о рассмотрении дела в особом порядке, он обязан заявить ходатайство о своем допросе, в ходе которого подробно описать ход совершения преступления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

уголовное судопроизводство, обвинение, согласие с обвинением, признание вины, особый порядок судопроизводства

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Стельмах В.Ю. Согласие обвиняемого с обвинением как условие применения особого порядка судебного разбирательства / В.Ю. Стельмах. — DOI 10.17150/1819-0928.2025.26(1).123-132. — EDN MAWBSH // Академический юридический журнал. — 2025. — Т. 26, № 1. — С. 123–132.

Original article

The consent of the accused to the charge as a condition for the application of a special procedure for judicial proceedings

Vladimir Y. Stelmakh

V.F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
vstelmah@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7558-6531>

ABSTRACT

The procedure of criminal proceedings in the Russian Federation, being uniform, nevertheless provides for the existence of simplified forms of consideration of the case, one of which is a special procedure when the accused agrees to the charge. Despite the simplification of the review procedure, a special order should provide for all necessary mechanisms to ensure that a legitimate and informed decision is made. The condition for applying a special procedure is the consent of the accused to the charge, which is an important guarantee against self-incrimination. At the same time, the essence of consent to the accusation has not been disclosed in the law, and therefore this issue remains controversial in science. It is unclear whether agreeing to the charge implies an ad-

© Стельмах В.Ю., 2025

mission of guilt, or it is just an agreement to consider the case in a simplified manner. How this problem is solved depends on whether a special procedure will ensure the achievement of the truth in the case, or turn into a deal with justice, which from the beginning does not involve establishing the circumstances of the case and, consequently, making a legitimate and fair decision. Based on the results of the study, it is concluded that the special procedure for considering a case with the consent of the accused to the charge presupposes the establishment of the actual circumstances of the commission of a crime, does not contradict the principle of presumption of innocence and, therefore, is not a deal with justice. The defendant's agreement with the prosecution consists in the defendant's admission of guilt. Otherwise, it is impossible to state a decrease in the level of public danger of a person, and, consequently, there are no grounds for applying a special procedure implying a mandatory reduction in the amount of punishment. If the accused refused to testify during the preliminary investigation, but upon familiarization with the case materials filed a motion to consider the case in a special order, he is obliged to file a motion for his interrogation, during which he will describe in detail the course of the crime.

KEYWORDS

criminal proceedings, prosecution, agreement with the prosecution, admission of guilt, special procedure of judicial proceedings

FOR CITATION

Stelmakh V.Y. The consent of the accused to the charge as a condition for the application of a special procedure for judicial proceedings. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2025;26(1):123–132. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2025.26(1).123-132. EDN: MAWBSH.

Введение

Глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) предусматривает возможность рассмотрения в некоторых случаях уголовных дел в особом порядке.

В практической деятельности данный порядок применяется часто. Так, в 2020 году судами было осуждено 562 992 подсудимых, из них 299 235 в особом порядке; в 2021 году эти показатели составили соответственно 601 148 и 261 951 лицо; в 2022 году – 614 904 и 244 764, в 2023 году – 589 055 и 211 573 лица². Практически одинаковое общее количество и пропорциональное соотношение свидетельствуют о стабилизации ситуации с применением особого порядка судебного разбирательства, его востребованности и эффективности.

Одним из условий применения особого порядка является согласие обвиняемого с обвинением. Законодатель не раскрывает сущности и содержания данного согласия. Как следствие, в науке вопросы, связанные с определением сущности согласия обвиняемого с обвинением, продолжают оставаться дискуссионными. В основном мнения ученых разделились между двумя подходами: 1) согласие подразумевает признание вины; 2) согласие означает отсутствие возражений против рассмотрения дела в особом порядке.

К сожалению, во многих случаях обсуждение отмеченной проблемы производилось исключительно в корпоративно-тактическом ключе, сугубо с позиций целесообразности для одной из сторон уголовного судопроизводства. Само собой, в постановке вопроса под таким углом зрения нет ничего плохого, но очевидно, что основу решения проблемы должны составить универсальные и общие факторы, прежде всего назначение уголовного судопроизводства и, еще шире, его социальное предназначение. От ответа на приведенный вопрос зависит как принципиальная возможность использования особого порядка рассмотрения дел, так и значительное число частных проблем. Нерешенность указанной проблемы на концептуальном уровне обуславливает разницу подходов в практической деятельности, что в состоянии привести к принятию незаконных решений, повлечь нарушение субъективных прав участников уголовно-процессуальной деятельности.

Описание исследования

Особый порядок уголовного судопроизводства, регламентированный главой 40 УПК РФ, предполагает, что предварительное расследование проводится без каких-либо упрощений, но упрощается судебное разбирательство (в рамках судебного следствия не исследуются доказательства, относящиеся к обстоятельствам совершения преступления, а изучаются лишь характеризующие обвиняемого материалы, влияющие исключительно на размер назначаемого наказания). По сути законодательная формулировка «особый порядок судопроизводства», не совсем точна, поскольку особый порядок распростра-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

² Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции в 2020 г. 2021 г., 2022 г., 2023 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://web.archive.org/web/20200827193432/http://www.cdep.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

няется не на весь уголовный процесс, а лишь на рассмотрение дела судом первой инстанции.

Рассматриваемая процедура допускается в трех случаях: а) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести — по желанию обвиняемого; б) если предварительное расследование проводилось в форме сокращенного дознания; в) если с обвиняемым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, условия которого выполнены.

С одной стороны, особый порядок уголовного судопроизводства содержит определенные риски, прежде всего для обвиняемого. Поскольку судебное следствие изначально носит усеченный характер, существует возможность принятия незаконного решения об осуждении лица без должной проверки всех собранных по делу доказательств [1]. С другой стороны, особый порядок уголовного судопроизводства не только позволяет достичь процессуальной экономии [2] (что, безусловно, имеет важное, но все же вторичное значение и не может рассматриваться в качестве самоцели), но и предоставляет значительное преимущество обвиняемому, проявляющееся в автоматическом снижении срока уголовного наказания. По общему правилу, назначаемое осужденному наказание не может превышать двух третей от максимального размера наказания в виде лишения свободы, предусмотренного санкцией нормы УК РФ, инкриминируемой обвиняемому (часть 7 статьи 316 УПК РФ). Кроме того, если имеет место совпадение двух порядков (особого порядка, регламентированного главой 40 УПК РФ, и досудебного соглашения о сотрудничестве), в итоге максимально возможное наказание не должно превышать: две трети от двух третей — при рассмотрении уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и две трети от одной второй — в случае, указанном в статье 226 УПК РФ (пункт 39 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»³). Помимо этого, назначенное наказание, размер которого исчислен в соответствии с отмеченными требованиями, дополнительно снижается при наличии предусмотренных уголовным законом смягчающих обстоятельств.

Очень важно отметить, что в рамках особого порядка судебного разбирательства автоматическое снижение наказания имеет место без каких-либо дополнительных условий. Если при наличии «обычных» смягчающих обстоятельств уменьшение размера наказания осуществляется по усмотрению суда, который при этом не связан точно определенными требованиями относительно того, на сколько именно уменьшить наказание при выявлении одного или нескольких смягчающих обстоятельств, то при применении особого порядка судебного разбирательства предельный размер наказания обусловлен непосредственно законом.

Столь существенное уменьшение размера наказания предполагает значительное снижение общественной опасности обвиняемого. Если допустить иное, то неизбежным становится вывод о том, что государство в лице своих компетентных органов идет на поводу у виновного, не получая ответных шагов, сколько-либо ценных в социальном смысле. С учетом отмеченных обстоятельств закон предусматривает в качестве обязательного условия применения особого порядка согласие обвиняемого с предъявленным обвинением [3, с. 117–118; 4, с. 66–68; 5, с. 22–23].

Во-первых, такое согласие позволяет оценить снижение степени общественной опасности лица. Согласие с обвинением носит не столько процедурный, сколько материально-правовой характер, поскольку именно оно свидетельствует о раскаянии обвиняемого в содеянном, что, в свою очередь, позволяет сделать вывод об уменьшении общественной опасности обвиняемого [6, с. 114]. Иными словами, важно не само по себе декларативное заявление обвиняемого о согласии, а смысл, содержание этого заявления, т.е. вся совокупность фактов, «окружающих» заявление обвиняемого, и характеризующих его реальное отношение к содеянному.

Во-вторых, согласие с обвинением призвано исключить риск незаконного осуждения лица, поскольку, соглашаясь с обвинением, обвиняемый признает свою причастность к преступлению.

Согласие с обвинением должно сочетаться с еще одним условием применения особого порядка — обязанностью суда установить наличие доказательств, подтверждающих причастность обвиняемого к преступлению, т.е. его виновность в инкриминируемом деянии [7, с. 717–718]. Соблюдение этого условия достигается путем изучения судьей материалов уголовного дела, и в том числе признательных показаний обвиняемого, поскольку в них должно даваться де-

³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8470/> (дата обращения: 15.03.2025).

тальное и конкретизированное описание лицом совершенного им преступления, что и позволяет убедиться в реальности его совершения обвиняемым. Более того, в научной литературе предлагается разрешить производство в суде некоторых следственных действий для устранения возникающих у суда неясностей [8, с. 91–92].

Таким образом, согласие с обвинением, носящее не формальный, а содержательный характер, является одним из важнейших подтверждений виновности обвиняемого. Особый порядок – это не средство достижения процессуальной экономии, а прежде всего способ принятия по делу законного решения.

Особый порядок судебного рассмотрения дела предполагает, что лицо виновно в совершении преступления, причем его виновность доказана в ходе предварительного расследования в предусмотренном законом порядке, и на момент начала собственного судебного разбирательства данный факт не подлежит сомнению. Сказанное отнюдь не означает отмены презумпции невиновности в рамках особого порядка. Во-первых, как было отмечено, суд обязан проверить, насколько виновность лица подтверждается собранными по делу доказательствами. Иначе говоря, к особому порядку можно прибегать только тогда, когда все обстоятельства преступления установлены, надежно зафиксированы, и в силу этого можно не тратить время на подтверждение соответствующих фактов в суде, поскольку правильность их установления несомненна. Во-вторых, заявление обвиняемого о рассмотрении дела в особом порядке может быть принято исключительно при ознакомлении обвиняемого с материалами дела, т.е. на том этапе расследования, когда сбор доказательств полностью завершен. В противном случае обвиняемый может на первоначальных этапах расследования «согласиться» с обвинением, а фактически – согласиться с упрощенной формой судопроизводства, даже будучи не причастным к преступлению, только чтобы добиться назначения более мягкого наказания. Наступят крайне негативные последствия, на отрицательный характер которых справедливо указывает В.В. Трухачев: «искусство расследования – тактически грамотное применение методических основ расследования, реализация тактических операций, применение тактических приемов отойдет на «второй план», приобретет второстепенный характер» [9, с. 235]. Иными словами, расследования как такового не будет, а следователь сразу, изначально, станет «подготавливать» минимально необходимые доказательства

под согласие обвиняемого с обвинением, руководствуясь не установленными и достоверно подтвержденными обвиняемым фактическими обстоятельствами, а исключительно декларативными заявлениями обвиняемого.

Именно для предотвращения подобного состояния ходатайство о проведении судебного разбирательства в особом порядке рассматривается не следователем, а судом, после поступления дела в суд. Такой механизм, с одной стороны, позволяет избежать преждевременной подачи ходатайства, при которой обвиняемый может заведомо «согласиться» с обвинением, независимо от того, насколько оно подтверждено доказательствами, а, с другой стороны, предоставляет суду реальную возможность проанализировать и оценить собранные следствием доказательства.

Таким образом, при применении особого порядка имеет место специфическое, с точки зрения этапов и стадий судопроизводства, распределение действий по опровержению презумпции невиновности. Можно констатировать, что, как и в условиях обычного порядка разбирательства, преодоление презумпции невиновности осуществляется органами расследования при производстве предварительного следствия или дознания. Но в отличие от обычного порядка судебного разбирательства, суд для оценки собранных доказательств ограничивается проверкой письменных материалов дела, без непосредственного вызова участников судопроизводства. По логике системного подхода, важнейшее место в этой оценке должно занимать согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, поскольку именно оно в сочетании с другими изученными судом доказательствами позволяет констатировать виновность обвиняемого.

Вместе с тем сущность «согласия с обвинением» в законе не раскрыта. Неясно, какое содержание следует вкладывать в это словосочетание, – либо полное признание лицом своей причастности к преступному деянию, либо принятие обвиняемым к сведению объема обвинения, предъявленного органами предварительного расследования (т.е. своего рода умолчание своей позиции по поводу отношения к обвинению).

Правильное разрешение поставленного вопроса, помимо «теоретической чистоты», имеет важное практическое значение. При решении обозначенной проблемы нельзя руководствоваться формальными соображениями, только буквальным смыслом использованных в УПК РФ слов. Очевидно, что законодатель, выстраивая нормативную конструкцию особого порядка про-

ведения судебного разбирательства, преследовал достижение социально-значимых целей, содержание которых не может определяться в отрыве от назначения уголовного судопроизводства.

Исходя из этого, категорически нельзя согласиться с высказанной в теории уголовного процесса точкой зрения, заключающейся в том, что применительно к анализируемой процедуре согласие обвиняемого с обвинением — не более чем его готовность принять к сведению объем обвинения, зафиксированный в процессуальных документах [10], либо то, что он оспаривает обвинение [11, с. 111]. Такое понимание согласия с обвинением неприемлемо. Оно отражает сугубо корпоративный, «защитный» подход к решению поставленной проблемы, игнорирующий фундаментальные социальные задачи уголовного судопроизводства. Не вдаваясь в дискуссию, представляющую тему отдельного исследования, необходимо отметить, что социальное предназначение уголовного судопроизводства — это реализация правоохранительной функции государства, что предполагает необходимость приложения всех усилий для установления виновных в совершении каждого преступления, дачи их действиям надлежащей правовой оценки, назначения справедливого наказания. Только таким образом можно достичь главной цели судопроизводства — добиться безопасности общества и отдельных граждан, социальной солидарности в государстве [12, с. 4–5]. Иными словами, социальной целью уголовного судопроизводства, выходящей за отраслевые пределы, характеризующей уголовно-процессуальную деятельность как социально-политический феномен, должно быть достижение справедливости, принятие на основе полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств совершенного деяния справедливого решения, дающего правильную уголовно-правовую оценку содеянного лицом.

Трактовка согласия с обвинением как «отсутствия возражений» при неподтверждении своей причастности к совершенному преступлению имеет ряд негативных аспектов.

Во-первых, в двусмысленное положение ставится сам обвиняемый. По сути, его принуждают согласиться с тем, с чем он фактически не согласен, судя по отношению к виновности в инкриминируемом деянии. «Согласие с обвинением» без признания вины в содеянном — не более чем фикция, игра слов, не подкрепленная содержанием фразы. По сути, это всего лишь формальное согласие заинтересованного в исходе дела лица с особенностями процедуры [13, с. 115], поскольку

ку «отсутствие возражений не может автоматически свидетельствовать о согласии с какими-либо обстоятельствами» [14, с. 147]. Однако сама по себе процедура не может кардинально влиять на материально-правовые последствия. Для уголовного судопроизводства это категорически неприемлемо, с учетом социальных последствий принимаемых решений. Более того, в таком случае велик риск того, что органы расследования будут навязывать обвиняемому согласие с обвинением для ускорения расследования и облегчения завершения производства по делу [15, с. 53–54].

Во-вторых, отсутствие признания вины обесценивает ценность согласия с обвинением как фактора, призванного исключить незаконное осуждение обвиняемого. Поскольку признание вины отсутствует, нет и подтверждения причастности обвиняемого к инкриминируемому ему деянию. Соответственно, такое «согласие с обвинением» не только не может стать гарантией от самооговора, напротив, оно фактически стимулирует самооговор. В этом аспекте весьма сложно полностью согласиться с высказанным в науке утверждением о том, что лицо, непричастное к совершению преступления, не согласится с особым порядком, предполагающим обязательное осуждение, а взявший на себя чужую вину будет настаивать на этом и в условиях обычного порядка судопроизводства [16, с. 157]. Дело в том, что недопустимо стимулирование на законодательном уровне использования определенной формы судопроизводства (а именно, особого порядка) для принятия процессуального решения, выгодного по тем или иным причинам конкретному лицу, но незаконного и несправедливого с общественной точки зрения.

В-третьих, согласие с обвинением, не сопровождаемое признанием вины в инкриминируемом деянии, — это в чистейшем виде попытка превратить уголовное судопроизводство в сделку между обвиняемым и судом, причем такой подход нельзя даже считать компромиссом. Это именно сделка, уловка, торговля с правосудием, когда одна сторона пытается достичь своих целей, вводя суд в заблуждение. То, что суд вводится в заблуждение, не вызывает сомнений, поскольку сторона защиты пытается совместить несовместимые с разумной точки зрения вещи — заявление о согласии с обвинением и одновременно отсутствие фактического согласия с содержанием предъявленного обвинения. Если трактовка уголовного судопроизводства как компромисса сторон — мнение весьма спорное и даже сомнительное, но вместе с тем имеющее

право на существование, то попытка изобразить эту деятельность как торг — идея не просто неоднозначная, а полностью непригодная, противоречащая самой сущности законности и правопорядка, назначению уголовного судопроизводства [17, с. 37–38; 18, с. 35–37].

Авторы, поддерживающие критикуемый подход, не вполне последовательны. По сути, они подменяют понятия, поскольку в их интерпретации «согласие с обвинением» фактически представляет собой согласие не с обвинением как таковым, а с упрощенным порядком судебного разбирательства. Но тогда значительное снижение срока наказания обусловлено не уменьшением общественной опасности лица, совершившего преступление, а лишь упрощением уголовно-процессуальных процедур. В этом случае явно нарушается причинно-следственная связь. Ведь по смыслу закона, с учетом социальной роли судопроизводства как регулятора общественных отношений, упрощенный порядок судопроизводства влечет снижение наказания не сам по себе, напротив, применение этого порядка становится возможным в силу утраты лицом общественной опасности, а уменьшение размера наказания вызывается именно этим фактором. Упрощение процедуры судопроизводства не может провозглашаться самоцелью, это не более чем допустимое и приемлемое последствие полного установления обстоятельств совершенного деяния и виновности лица.

Сложно согласиться с тем, что «одним из требований приговора суда является справедливость, но достигнуть ее невозможно вне компромисса, поскольку компромисс предполагает максимально возможный в определенной ситуации учет интересов участников уголовного судопроизводства» [19, с. 30–31]. Справедливость приговора — это не учет пожеланий всех участников судопроизводства, а адекватный размер наказания, в полной мере соответствующий обстоятельствам совершения преступления, специфике конкретной ситуации и особенностям личности виновного. Попытка увязать справедливость с учетом стремлений каждого участника судопроизводства девальвирует объективный характер справедливости, превращает ее из социально значимого фактора в сумму желаний всех участвующих в деле лиц, независимо от их отношения к преступлению. В результате фактически уравниваются ценности, олицетворяемые пострадавшим от преступления и преступником, что в социальном смысле недопустимо, размываются границы справедливости, утрачивается ее нравственно-этическая ценность. Справедливость перестает

быть абсолютным началом, приобретает релятивистские черты, у каждого участника появляется как бы «своя», «собственная» справедливость. Вместе с тем справедливость в уголовном судопроизводстве должна быть социально-политическим фактором, результатом правильного и точного выяснения обстоятельств совершенного деяния, и правильной правовой оценкой действий всех причастных к этому деянию лиц.

Исходя из изложенного, с учетом социальных и морально-этических факторов согласие с обвинением должно рассматриваться как полное признание лицом фактических обстоятельств совершения преступления [20, с. 3–5; 21, с. 72–73; 22, с. 34–35; 23, с. 68–69]. Именно такую позицию занимает Пленум Верховного Суда Российской Федерации, указавший, что суд при решении вопроса о проведении судебного разбирательства в особом порядке обязан, помимо прочего, выяснить понимание обвиняемым существа обвинения и согласие с ним в полном объеме, а также обоснованность обвинения и его подтверждение собранными по делу доказательствами (пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 года «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел»⁴). В интерпретации постановления Пленума Верховного Суда РФ согласие в полном объеме с обвинением означает не что иное, как признание лица своей вины в содеянном.

В этом плане необходимо согласиться с Е.В. Корчаго, указывающим, что «главная цель уголовного судопроизводства — это восстановление гражданского мира, таково исторически предназначение мировой юстиции» [24, с. 7]. Вместе с тем такое утверждение требует понимания контекста, в котором оно было сформулировано. «Восстановление гражданского мира» — это прежде всего снижение степени общественной опасности лица, виновного в совершении преступления. Если же виновный просто требует резкого снижения наказания за совершенное им деяние в обмен на эфемерное «согласие с обвинением», за которым не усматривается даже полного признания в том, что реально было содеяно, не говоря уже о раскаянии в своем поведении, восстановления гражданского мира не происходит. По сути, виновный выторговывает у суда уменьшение раз-

⁴ О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 дек. 2006 г. № 60 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8275/> (дата обращения: 31.05.2022).

мера наказания. Это не социально желательный результат, а всего лишь корпоративный тактический прием стороны защиты. Возникает вопрос: а есть ли для государства и общества смысл потакать в этом обвиняемому? Ответ представляется очевидным: такого смысла нет и не может быть.

С учетом изложенного представляется необходимым несколько упорядочить подход к уяснению сути согласия обвиняемого с обвинением. Представляется, что для рассмотрения уголовного дела в особом порядке требуется обязательное признание обвиняемым своей вины в инкриминируемом деянии, при этом такое признание должно подтверждаться развернутыми, конкретизированными и исчерпывающими показаниями обвиняемого относительно всех обстоятельств совершения преступного деяния. Отсутствие таких показаний свидетельствует о том, что попытка обвиняемого воспользоваться особым порядком судебного разбирательства представляет собой всего лишь уловку. Разумеется, в условиях состязательного судопроизводства в этом нет нарушения закона, но при этом государство не должно стимулировать поведение, не представляющее социальной пользы. В правовом государстве явный уход от уголовной ответственности лица, виновность которого в совершении преступления подтверждена собранными доказательствами, не может считаться социально положительным явлением.

В судебной практике суды, как правило, отмечают в решениях, что выполнение условий применения по делу особого порядка состоит не только в согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, но и в полном признании им своей вины⁵.

Возникает вопрос, допускается ли особый порядок судопроизводства, если обвиняемый

в ходе предварительного расследования не высказывал своего отношения к предъявленному обвинению (такое не запрещено законом), или отказывался от дачи показаний, однако после ознакомления со всеми материалами дела убедился в доказанности вины материалами дела. В научной литературе правильно отмечается, что «обвиняемый должен иметь возможность убедиться, что по уголовному делу собраны достаточные доказательства, подтверждающие все обстоятельства, подлежащие доказыванию, и только после этого ему следует решить, соглашаться с предъявленным обвинением или нет» [25, с. 35]. Таким образом, само по себе отсутствие показаний в ходе предварительного следствия не должно априори лишать обвиняемого возможности заявить ходатайство о проведении судебного разбирательства в особом порядке.

Представляется, что в подобной ситуации обвиняемый должен заявить ходатайство о производстве дополнительного допроса, а следователь не имеет права отказать в удовлетворении этого ходатайства. В рамках указанного допроса обвиняемому необходимо дать развернутые показания. Если такого не происходит, ходатайство обвиняемого о проведении судебного разбирательства в особом порядке не подлежит удовлетворению, на что справедливо обращается внимание в научной литературе [26, с. 117]. При этом суд не лишается возможности уменьшить назначаемое наказание в связи с наличием смягчающих обстоятельств.

Заклучение

Социальному предназначению уголовного судопроизводства отвечает только такое понимание согласия обвиняемого с обвинением, которое означает полное признание вины в инкриминируемом преступлении. В противном случае обвиняемый либо вынужден соглашаться с обвинением фиктивно, исключительно для применения особого порядка судопроизводства, либо согласие с обвинением является уловкой, введением суда в заблуждение. Поскольку снижения общественной опасности обвиняемого не происходит, не имеется оснований для применения особого порядка, подразумевающего автоматическое и существенное снижение назначаемого наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Духно Н.А. Ломка судопроизводства / Н.А. Духно. — EDN RNUAVG // Уголовное судопроизводство. — 2019. — № 3. — С. 26–31.
2. Дорошков В.В. Особый порядок принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / В.В. Дорошков. — EDN OJZOMF // Российский судья. — 2004. — № 9. — С. 32–35.

3. Благов Е.В. О смягчении наказания по уголовно-процессуальным основаниям / Е.В. Благов. — EDN RCFUYL // Уголовное право. — 2013. — № 4. — С. 116–121.
4. Качалова О.В. Реализация принципов уголовно-процессуального права при ускоренных производствах / О.В. Качалова. — DOI 10.17803/1729-5920.2015.108.11.065-074. — EDN VUQRPP // Lex Russica. — 2015. — № 11. — С. 65–74.
5. Курченко В.Н. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением — условие особого порядка судебного разбирательства / В.Н. Курченко. — EDN TWJWYD // Российский судья. — 2015. — № 6. — С. 22–25.
6. Сафронов А.Ю. О ситуациях, связанных с назначением судебного заседания и выбором порядка судопроизводства по уголовному делу (проблемы, ошибки, пути решения) / А.Ю. Сафронов. — DOI 10.17803/1729-5920.2021.174.5.112-124. — EDN ZQPGGM // Lex Russica. — 2021. — № 5. — С. 112–124.
7. Мартынова О.А. К вопросу об основаниях принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением / О.А. Мартынова, В.П. Федорин. — DOI 10.34670/AR.2022.89.50.042. — EDN MULDKP // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12, № 10-1. — С. 716–724.
8. Тарасов А.А. Обеспечение процессуальной независимости судьи при рассмотрении уголовного дела в особом порядке как условие правосудности итогового решения / А.А. Тарасов, И.А. Гизатуллин. — EDN QJFVGP // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 1. — С. 88–96.
9. Трухачев В.В. Обоснованность института особого порядка судебного разбирательства при согласии обвиняемого с обвинением / В.В. Трухачев. — EDN OKCBXJ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. — 2019. — № 4 (39). — С. 231–240.
10. Корчаго Е.В. Достижение взаимовыгодного (компромиссного) соглашения между правонарушителем и государством: важная организационно-правовая форма правоохранительной, правозащитной и судебной деятельности / Е.В. Корчаго. — EDN YZMAAF // Мировой судья. — 2019. — № 8. — С. 8–12.
11. Хромова Н.М. Принцип презумпции невиновности при особом порядке судебного разбирательства / Н.М. Хромова. — EDN QZPJSL // Журнал российского права. — 2013. — № 6. — С. 107–115.
12. Дорошков В.В. Современный уголовный процесс и основные направления его совершенствования / В.В. Дорошкова. — EDN QBTRJM // Мировой судья. — 2019. — № 9. — С. 3–13.
13. Развейкина Н.А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам / Н.А. Развейкина, Е.А. Дьячкова. — DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-3-114-119. — EDN DUMGXI // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 3. — С. 114–119.
14. Есина А.С. Новеллы особого порядка судебного заседания при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.С. Есина, О.Е. Жамкова. — EDN JOUGTS // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 145–148.
15. Овсянников И.В. С каким обвинением вправе согласиться обвиняемый? / И.В. Овсянников, А.П. Тенишев. — EDN UHLBNX // Законность. — 2015. — № 8. — С. 53–56.
16. Затеев П.Е. Применение особого порядка судебного разбирательства как конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод граждан / П.Е. Затеев, В.Е. Носкова. — DOI 10.37399/2686-9241.2023.2.154-173. — EDN OHZOCX // Правосудие. — 2023. — Т. 5, № 2. — С. 154–173.
17. Михайлов П. Сделки о признании вины — не в интересах потерпевших / П. Михайлов // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 37–38.
18. Петрухин И. Сделки о признании вины чужды российскому менталитету / И. Петрухин // Российская юстиция. — 2001. — № 5. — С. 35–37.
19. Подольный Н.А. Значение компромисса в стратегии защиты / Н.А. Подольный. — EDN PGGKGL // Адвокатская практика. — 2012. — № 5. — С. 28–31.
20. Лазарева В.А. К вопросу об основаниях и условиях применения главы 40 УПК РФ / В.А. Лазарева, Ю.В. Кувалдина. — EDN PIVOBP // Мировой судья. — 2012. — № 4. — С. 2–6.
21. Погорельский А.А. Вопросы совершенствования особого порядка производства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А.А. Погорельский. — DOI 10.17150/2411-6122.2024.1.67-76. — EDN JUONVX // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2024. — № 1 (43). — С. 67–76.
22. Смолькова И.В. Требуется ли признание обвиняемым своей вины при особом порядке принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) / И.В. Смолькова. — EDN LBELUH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 4 (22). — С. 33–40.
23. Корнакова С.В. Проблемы реализации принципа справедливости в российском уголовном судопроизводстве / С.В. Корнакова, В.А. Щербаков. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 144 с. — EDN XWRIEN.
24. Корчаго Е.В. Уголовно-процессуальный запрет на покаяние делает его бессмысленным / Е.В. Корчаго. — EDN LNQSCA // Уголовное судопроизводство. — 2020. — № 4. — С. 6–10.
25. Редькин Н.В. Проблемные вопросы производства судебного разбирательства в особом порядке по уголовным делам, расследованным в форме дознания / Н.В. Редькин, В.В. Иващенко. — EDN KZFDHT // Российский судья. — 2009. — № 9. — С. 34–36.
26. Кувалдина Ю.В. Особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением: проблемы применения по кругу дел / Ю.В. Кувалдина. — DOI 10.18287/2542-047X-2019-5-4-113-121. — EDN NCTYJK // Юридический вестник Самарского университета. — 2019. — Т. 5, № 4. — С. 113–121.

REFERENCES

1. Dukhno N.A. Radical Reform of Judicial Proceedings. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2019, no. 3, pp. 26–31. (In Russian). EDN: RNUAVG.
2. Doroshkov V.V. Special Procedure for Making a Court Decision if the Accused Agrees with the Charge Brought Against Him. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2004, no. 9, pp. 32–35. (In Russian). EDN: OJZOMF.
3. Blagov Ye.V. On Mitigation of Punishment under Criminal Procedural Grounds. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2013, no. 4, pp. 116–121. (In Russian). EDN: RCFUYL.
4. Kachalova O.V. Implementation of the Principles of Criminal Procedural Law in Accelerated Proceedings. *Lex Russica*, 2015, no. 11, pp. 65–74. (In Russian). EDN: VUQRPP. DOI: 10.17803/1729-5920.2015.108.11.065-074.
5. Kurchenko V.N. Consent of the Accused Person to the Accusation Presented to Him as a Condition of the Special Judicial Proceeding. *Rossiiskii sudya = Russian Judge*, 2015, no. 6, pp. 22–25. (In Russian). EDN: TWJWYD.
6. Safronov A.Yu. Matters Related to Court Session Scheduling and Choice of Court Procedure in Criminal Proceedings: Problems, Errors, and Solutions. *Lex Russica*, 2021, no. 5, pp. 112–124. (In Russian). EDN: ZQPGGM. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.174.5.112-124.
7. Martynova O.A., Fedorin V.P. To the Question of the Grounds for Acceptance of Judicial Decisions with the Consent of the Accused with the Charging from Him. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2022, vol. 12, no. 10-1, pp. 716–724. (In Russian). EDN: MULDKP. DOI: 10.34670/AR.2022.89.50.042.
8. Tarasov A.A., Gizatullin I.A. Ensuring the Procedural Independence of a Judge when Considering a Criminal Case in a Special Order as a Condition for the Justice of the Final Decision. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Law of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2022, no. 1, pp. 88–96. (In Russian). EDN: QJFVGP.
9. Trukhachev V.V. Institute of Validity of a Special Order of Judicial Proceedings at the Consent of the Defendant with Charge. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2019, no. 4, pp. 231–240. (In Russian). EDN: OKCBXJ.
10. Korchago E.V. Reaching of a Mutually Beneficial Arrangement (Composition) between an Offender and the State: an Important Legal Form of Law Enforcement, Right Protection and Judicial Activities. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 8, pp. 8–12. (In Russian). EDN: YZMAAF.
11. Khromova N.M. The Principle of Presumption of Innocence in a Special Procedure of Judicial Proceedings. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2013, no. 6, pp. 107–115. (In Russian). EDN: QZPJSL.
12. Doroshkov V.V. The Modern Criminal Procedure and its Main Improvement Areas. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2019, no. 9, pp. 3–13. (In Russian). EDN: QBTRJM.
13. Razveykina N.A.I., Dyachkova E.A. Problems of Application of a Special Procedure for the Trial on Criminal Cases. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 3, pp. 114–119. (In Russian). EDN: DUMGXI. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-114-119.
14. Esina A.S., Zhamkova O.E. Novellas of a Special Order of the Court Session with the Consent of the Accused with the Charge. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of Economic Security*, 2021, no. 2, pp. 145–148. (In Russian). EDN: JOUGTS.
15. Ovsyannikov I.V., Tenishev A.P. What Charges is an Accused Entitled to Agree With? *Zakonnost' = Legality*, 2015, no. 8, pp. 53–56. (In Russian). EDN: UHLBHX.
16. Zateev P.E., Noskova E.V. Application of a Special Procedure of Judicial Proceedings as a Constitutional Guarantee of Judicial Protection of Citizens' Rights and Freedoms. *Pravosudie = Justice*, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 154–173. (In Russian). EDN: OHZOCX. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.2.154-173.
17. Mikhailov P. Plea bargains are not in victims' interests. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 5, pp. 37–38. (In Russian).
18. Petrukhin I. Plea bargains alien to Russian mentality. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2001, no. 5, pp. 35–37. (In Russian).
19. Podolnyi N.A. The Value of Compromise in the Security Policy. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2012, no. 5, pp. 28–31. (In Russian). EDN: PGGKGL.
20. Lazareva V. A., Kuvaldina Yu. V. On the Issue of the Grounds and Conditions for the Application of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Mirovoi sud'ya = Justice of the Peace*, 2012, no. 4, pp. 2–6. (In Russian). EDN: PIVOBP.
21. Pogorelsky A.A. Issues of Improving the Order of Special Proceedings in Cases of the Consent of the Accused with the Charges. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2024, no. 1, pp. 67–76. (In Russian). EDN: JUONVX. DOI: 10.17150/2411-6122.2024.1.67-76.
22. Smolkova I.V. Is it Necessary the Accuseds Recognition the Fault at the Special Order of Adoption of the Judgment (Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2018, no. 4, pp. 33–40. (In Russian). EDN: LBELUH.
23. Kornakova S.V., Shcherbakov V.A. *Problems of Implementing the Principle of Justice in Russian Criminal Proceedings*. Moscow, Iurlitinform Publ., 2019. 144 p. EDN: XWRIEH.
24. Korchago E.V. Criminal Procedure Prohibition of Penance Makes it Senseless. *Ugolovnoe Sudoproizvodstvo = Criminal Judicial Proceeding*, 2020, no. 4, pp. 6–10. (In Russian). EDN: LNQSCA.

25. Redkin N.V. Problematic issues of special proceedings in criminal cases investigated in the form of an inquiry. *Rossiiskii sudya* = *Russian Judge*, 2009, no. 9, pp. 34–36. (In Russian). EDN: KZFDHT.

26. Kuvaldina Ju.V. Special Procedure of the Trial with the Consent of the Accused to the Charge: Problems of Application in a Number of Cases. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* = *Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 4, pp. 113–121. (In Russian). EDN: NCTYJK. DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-4-113-121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Юрьевич Стельмах — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова. Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева. 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21; SPIN-код: 4349-1494; Author ID: 688630.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Stelmakh — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the P.M. Davydov Department of Judicial Activity and Criminal Procedure. V.F. Yakovlev Ural State Law University. 21, Komsomolskaya st., Yekaterinburg, Russia, 620137; SPIN-code: 4349-1494; Author ID: 688630.

Поступила в редакцию / Received 06.03.2025

Доработана после рецензирования / Revised 15.03.2025

Принята к публикации / Accepted 20.03.2025